

АНДРЕЙ МИРОШНИКОВ

КАМЕННЫЙ АНГЕЛ

1998 год

Музе моеї посвящаю...

Март 1996 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Писать об Андрее легко и приятно. Его стихи являются его продолжением в невидимом пространстве. Они растут из него так же естественно, как растут ногти и волосы.

И так же, как колдуны вуду используют ногти и волосы в своих магических ритуалах, так же и стихи Андрея можно использовать в качестве источника энергии – положительной или отрицательной, потому что всё время смеяться так же нехорошо, как и всё время плакать.

Вывод: чёрная магия в умелых руках – это искусство.

Весь мир в состоянии драки,
Все жгут друг за другом мосты.
Хозяева жизни – собаки –
Вовсю раззубастили рты.

Чуть что – начинают кусаться,
Пугают несчастных людей,
И люди – смешные скитальцы! –
Пытаются в небо взлететь.

Земля надувается шаром,
Маршрут – от тетерни до звёзд.
Хозяева жизни – Икары –
Сжигают подкрашенный воск...

Дрожит в нетерпенье гондола,
И вот поднимается вверх
Наследье коварных монголов –
Планета-монголофьер.

Но, что не пускает планету?
И тут люди вспомнят про нас:
Хозяева жизни – поэты –
На шарике этом балласт.

И выбросят нас прямо в космос,
И быстро умчатся вперёд,
И мы, обжигаемы солнцем,
Сгорим, как подкрашенный воск...

А люди, побуйствовав в меру,
Опять снизойдут до любви.
Хозяева жизни – химеры,
Вопросы замкнутся в нули.

И мы возвратимся, как ветер,
Как пепел, как звёздная сыпь.

Собаки – друзья человека –
Чихнут, прочищая носы.
Александр Кобицкий

Лето 2003. Актау. С другом и поэтом Александром Кобицким.

ЗІМНІЯ ТЕТРАДЬ

Ах, любовь моя, мука нежная,
Мне бы стать твоей лодкой быстрою,
Да зима сейчас больно снежная,
А на реках – лёд
вечной пристанью.

Если свидимся – словно светимся –
От молвы людской не упрятаться.
Расстаёмся – надвое делимся.
То ли встречи ждать, то ли каяться?

В сердце холодом чувство смутное,
Но от встречи мы не откажемся.
И святые мы, и беспутные.
То ли правы мы, то ли кажется?

Али в прорубь нам, да поставить крест?
Али кануть нам в ночь на саночках?
Пусть потом беду назовут «гротеск».
Да под лак её. Да под рамочку.

25 ноября 1998 года

Чей-то ангел на крыше гоняет чужих голубей,
Отбивая чечётку,
 свистит,
 расправляет немытые крылья,
Вереща по-дурацки на древнем своём языке...
Хоть убей, но когда заиграет рассвет на трубе,
И нацелится в окна светило, как опытный киллер, –
Голубятня окажется вдруг на замке.

И, босыми ногами по жести, похожей на наст,
Прямо к краю,
 к обрыву строительно-правильной кручи,
Безнадёжно скуля,
 словно твой деревенский придурок,
И, печалась за нас, тех, кто верует больше в спецназ,
Тех, кого никогда ничему доброта не научит,
Он заломит крыла и отчаянно рухнет в проулок...

Будет всё, как обычно: участковый, медэксперты, акт,
Пьяный дворник, зеваки, держащие дворик в осаде,
И всякий, как Шерлок, понятлив и в версиях смел...
Только им не понять, что имеющий крылья чудак,
Так неловко лежащий в сугробе, как будто в засаде,
Так любил голубей потому, что летать не умел.
Он хотел научиться, он так научиться хотел...

Чей-то ангел, скорее приبلудный, бездомный, ничей,
Лихо свищет, ногами сучит,
матерясь, как безбожный сапожник,
Гонит ввысь голубей, подставляя восходу лицо.
Этот – парень не промах: есть все дубликаты ключей,
И божественных птиц от него запереть
Будет сложно...

31 мая 1998 года

-I-

Пресыщение от добычи,
Отвращение после лжи.
Утопает в мечтах девичьих
Та, что рядом ещё лежит.

Сонно шепчет свои капризы,
И в объятиях душит стыд...
Кто-то пристально, с укоризной,
В окна смотрит из темноты.

Чай да сахар, любовь да ласка, -
Но украденной я не рад -
И привычная дрожь опаски
Обращает усладу в яд.

И пылает чужое ложе,
Шапкой, вспыхнувшей на воре...
Смотрит в окна, в сугробе ёжась,
Ангел каменный во дворе.

Он - бесчувственный соглядатай,
И ему ли меня судить?
Но мой серый двойник крылатый
Продолжает за мной следить...

-II-

Чутко спится в чужой постели,
Неуютно, как на костре.
Вьюга песни всю ночь свистела,
Куролесила во дворе.

Окна шкурит колючий ветер,
Бьёт по стёклам вчерашний снег.
Пламя страсти чужой неверной
Обжигает и в полусне.

И ожог не унять снегами,
Не укроет метель и мгла -
Злую горечь обмана камнем,
Кто-то бросил в узор стекла.

И ворвался ревнивый ветер
С белым крошевом на крыле.
Ты найдёшь на пустом конверте
Вместо адреса - мокрый след.

Сердце мучается похмельем,
И не хочется с ним на «ты».

Смотрит ангел, от снега белый,
Из предутренней темноты
27.11.98-14.05.09

N. N.

Я жесток и негибок,
Я не слышу: «Поймите!..»
И не делаю скидок.
Я не лекарь. Я – мытарь.

Дерзновенный налётчик,
Отниму – Ты слабее! –
И покой полуночный,
И беспечное пенье.

Словно бедную скрипку –
Ах, как пела, как пела! –
Обдираю, как липку,
Оставляя лишь тело.

Ни пассажа, ни крика –
Паганини, не дурно?! –
Ты молчишь, словно скрипка,
Потерявшая струны...

Под смычком – Ёрзать! Ёрзать! –
Извивайся и бейся:
Эти тихие слёзы
Лучше пьесок и песен.

Я не лекарь, я – мытарь.
Но однажды – расскаюсь.
Клянчить стану – «Поймите...»
И скажу: «Отрекаюсь».

Но пока я в зените,
И покуда я цепок –
Я безжалостный мытарь
В жадном поиске целок.

31 декабря 1997 года

Был день тяжёл, был сумрак сер, как никогда.
Пугали шум и слишком тёмная вода.
И ты боялась чёрных туч, и всё ждала –
Ждала весны и белых птиц.
Ждала тепла.

Дома стояли, как тома закрытых книг.
Тянулся миг, на сотню лет тянулся миг.
И словно пытка – голоса, шуршанье ног,
И этот город – безымянное пятно.

И краски старились на сером полотне,
Твой алый шарфик становился всё бледней,
И бедный скверик обречённо скрыть не мог
Немытых веточек графитовый дымок.

А ранним утром этот город чистым был –
Белей, чем мел, белей изысканных белил.
И краски пели, как живая акварель,
И ни к чему была печаль, что не апрель.

Мы шли легко, и каждый шаг оставил след.
И тот же шарф алел как кровь, как маков цвет
Пылали щёки. Сердце билось как во сне.
Была зима. И ты была. И падал снег.

4 февраля 1998 года

Снег идёт – боль крадёт
И не просит разрешения.
Город тот и не тот –
Завершённой, совершенной.
Снег идёт – сеть плетёт,
Ловит съёженных прохожих.
Люди, скверы, литьё –
Все на этот снег похожи.

Снег идёт. Что нас ждёт?
Так не хочется об этом...
Если нам повезёт –
Нас с тобою не заметят,
Не узнают друзья
И подруги не осудят.
Снег идёт и нельзя
Знать о том, чего не будет...

Снег идёт.
 Не найдёт
Нас никто: мельканье это
Спрячет нас, заметёт,
Убаюкает до лета,
А потом – трын-трава.
А потом? Забудь об этом:
Снег идёт. Ты права –
Мы одни на белом свете...

Снегопад – нега, спать...
Белый снег постелью свежей.
Засыпать...

 Засыпать
Будет снег, ласкать и нежить.
Снегопад. На губах
Вместо слов
 снежинки тают.
Нас жалеет судьба,
Понимает, обнимает.

Белый снег. В полусне
Все слова –
 безумный лепет –
Тлеют в зимнем огне,
Белый снег –
 холодный пепел.
Всё грустней белый снег
Опускается на плечи.
Всё тесней белый свет,
Всё синее ранний вечер...

1 февраля 1998 года

Даже если снег лавиной –
Будет всё не так, как прежде:
Будет всё наполовину,
А любовь утратит нежность,

Что нашла ты, отыскала
В муках, терниях и корчах...
В неизвестность зубы скалит
Чёрный пудель зимней ночи.

Белым зноем сон занует,
Заболит истомно-тонко,
И заплещет за стеною
Белый шут ночной позёмки...

26 февраля 1998 г

ШРОВОДЫ

Памяти Наташи

Напраслина лести и блеск эпатажа,
И ложная скромность, и гордость назло –
Мы были любимы, любили однажды.
Нам было красиво. Нам страшно везло.

И ныне, когда я немыслимо старше,
И скучен, и зол, и родней окружён,
Я снова готов это имя – Наташа –
Царапать на парте карманным ножом.

На чистые парты, морозные стёкла,
На чёрные доски, в большую тетрадь –
Что пальцы посмели, что сердце исторгло...
Ах, первое чувство! Ах, Божья искра!

Шершавы осенние голые ветви,
Тяжёлые листья тропических рыб...
Твои в поцелуе опущены веки
И пальцы легки в ожиданье игры.

Волшебное слово. Магический символ.
Я знал эту тайну. Я знал. Я забыл.
И всё, что осталось – печальная ива,
Холодное небо, бесстрастная пыль.

И что мне мелодии, трели, пассажи? –
Как ветер без воздуха, дым без огня.
Мне прошлое тихо шепнуло: «Наташа» ...
Но прошлое больше не примет меня.

1993-1998 гг.

Ты тихо, незаметно
Стала другой –
Так переходит лето
В ливень тугой,
Так по стеклу однажды
 капли его стучат.

Непроходимой тенью
Стал горизонт.
Я словно стал растением,
Видящим сон,
Где я качаю ветер
 до ломоты в плечах...

Уже по небу низко
Птицы летят:
Я отпускаю листья –
Они не хотят:
Тем, кто однажды падал,
 трудно себя менять.

Тебе не одиноко,
Ты не одна.
Когда ты смотришь в окна,
Шепчешь: «Весна...»
Чувствуешь тёплый ветер?
 Это любовь моя.

Я укачаю ветер,
Кончится дождь –
Так засыпают дети,
Падая в ночь –
Перелистаешь лето,
 словно цветной альбом,
И точно пальцем тронешь
То, что нельзя,
Но ты уже не вспомнишь
Даже лица.
Но ты услышишь флейту –
 это моя любовь.

Неумолимо скоро,
Как ни крути,
Но умирают корни
От мерзлоты,
Но мне уже не страшно,
 что впереди зима:

Тёплое лето
Будет ещё,
И заиграет флейта
Перед дождём,

**Но от высоких радуг
мне не сойти с ума...**

13 февраля 1998 года

Эта женщина – художник,
Пишет письма как рисует –
В этих строчках плачет дождик
И холодный ветер дует,
Листопад в осеннем парке
Клёном плечи обжигает,
Облака, касаясь арки
Триумфальной,
Набегают.

Эта женщина – художник.
В этих письмах – поздний вечер,
Шторм на море бьёт наотмашь,
Кораблей тела калеча.
Я читаю птичьи стаи,
Прячу голову под зонтик,
Исповедую усталость
Облаков до горизонта.

Этих писем почерк нервный
Режет пальцы, как осколки.
В этих буквах – колкость терний,
Можжевельные иголки.
В них и раненая нежность,
И изнеженная ярость,
Растревоженная спешность:
«Сколько мне ещё осталось?»

Эта женщина – художник.
Эти письма – буйство красок.
От распутства до святоши –
Откровенно, но без грязи.
Обнажённость – как закланье,
Обречённость на смирение,
И шаманское камланье,
И монашеское пенье.

Эти письма, этот почерк,
Эти символы призыва –
То ли танец, то ли корчи –
Так ужасна, так красива.
И ласкает, и калечит,
И свои тревожит язвы...
Только мне ответить нечем.
Ни любви во мне, ни фразы.

23 сентября 1998 года

ПРОВОДЫ

-I-

-1-

Жизнь идёт по порядку –
Школа, свадьба, семья.
По утрам – физзарядка,
В выходные – друзья.
А ночами нам снится
То работа, то лес...
Греет руки синица,
И живётся, как есть –
И привычны все вещи,
И по кругу Земля...
Но однажды, под вечер,
Видим след журавля
И высокие дуги,
Семицветных мостов.
И движение по кругу
Прерывается – «Стоп!».

-2-

И по первым сугробам
Сердце скачет – «Весна!»,
«Кто ты?» – вместо работы,
А ночами – нет сна.
И синичка щебечет –
«Заболел? Заболел?»
И старается, лечит,
Поправляет постель,
Улыбается бодро,
Витамины шприцом,
Понимая – мол, возраст,
Перегрузки при всём...

-3-

«Как же дети?» – Не глядя,
Не боясь высоты,
С чемоданною кладью
Улетаем. «Прости...»
К многоцветию радуг,
Многоточию звёзд.
Нарушая порядок,
Что в сознание врос,
Мы бросаемся с жадой,
Торопливо трубя...
Но однажды,
Однажды
Вдруг приходим в себя,

И тогда осторожно
Остываем – «Ну-ну?» –
Нам, шутя, ненадёжность
Вдруг вменяют в вину...
Вспоминаем законы,
Обрываясь с небес,
После долгих агоний
Мы на прошлое – крест.

-4-

Так уходят в «завязку»,
Так бросают курить,
Так вчерашняя сказка –
Это просто «Дурить» ...
Оставляем без боли
Тех, кого «Никому» ...
Так бегут из неволи,
Так сдаются в тюрьму.

-5-

И сбываются слёзы:
«Ничего, приползёшь!» –
С чемоданами, в осень,
Через слякоть и дождь,
На коленях до спальни –
«Будет всё, как тогда!..»
И, кодируя память –
«Ничего, никогда...» –
Клеим рваные снимки
И карьеру свою,
Ставим те же пластинки,
Возвращаем уют...
Уж не косятся снобы,
Тянут руки друзья.
И, послушнее зомби –
Дом-работа-семья.
Плотно в рамках приличий
Весь порядок игры.
...Коготки у синички
Оказались остры...

-6-

Жизнь идёт по порядку,
Всё по тем же часам:
По утрам – физзарядка,
На ночь – чай и бальзам.
Так, по той же дороге,
Доживая года.

-7-

Будет сказано много.
Но «Люблю» - никогда.
14 марта 1998 года

-II-

Этот воздух прощаний
Слишком трезв и сух.
Никаких обещаний,
Ни сокрытых, ни вслух,
Только тенью - неловкость:
Много сказано зря...
Рубит утлую лодку
Острие топора.
И - удар за ударом -
Пополам, пополам...
Ни горячки, ни жара,
Ни упрёка, ни зла -
Так старательно егерь
Валит лес-сухостой.
Так во время побега
Не решают: «Постой!» ...

Руки, точно верёвки -
Что ни жест - невпопад,
Словно вёсла у лодки
Попадают не в такт.
Так в бессилии крыльев
Неуклюжесть лопат,
И напрасны усилия -
Впереди водопад.
Вот обрушится плоскость -
Дух захватит испуг, -
Просмолённые доски
Разнесёт на щепу...
Белой пеной потока
Спеленает - Тони!..
Мы спасёмся. Но только
Будем слишком ОДНИ.
Нас сломает о камни,
Иссечёт, отрезвит.

...Будет тихая гавань,
Но, увы, - только вид,
Как с картинки рекламной
Отпечаток в глазах.
Будет небо над нами,
Солнце, ветер, гроза.
Но, как груз за плечами,
Будем вечно таскать
Этот воздух прощаний.

Суть его – пустота.

15 марта 1998 года

-III-

Провожаешь – походкой
И дрожанием рук.
В ожидании кротком
Узнаю медсестру,
Мать, монашку, сиделку...
Терпелива настоль –
Ухожу, надоела –
Ты не скажешь: «Постой».

Натыкаешься взглядом
Невесёлым: «Привет».
А ведь я ещё рядом.
Для тебя – уже нет.
Расплетаются корни,
Распадается связь.
И покорность – короной.
Ты свят`а.
Я не свят.

23 октября 1998 года

КАМЕННЫЙ АНГЕЛ

Андрей Мирошников

*** * ***

Любовь есть противостоянье
Двух начал,
Война миров – двух противоположных –
По сути и по форме – тел:
И в сочетанье – душевные стеновья,
И обещанья – не смолчать! –
невиданных даров Вселенских
так граничат с ложью,
Но так возможны,
И каждый слышит голос – «В это верь!» ...

Любовь – объединённость двух врагов,
И каждый жертвы ждать неосторожен,
Но насторожен – не отдать противнику
Всего, что может, хочет, должен,
Хотя на жертвы и готов –
Политика
Двух берегов,
Двух разных вер.
А порознь – печаль потерь...

Любовь - возвышенное зло.
Свирепостью земных напастей -
Сведя, сроднив, - порвёт на части
И, что бы ни спасло -
Кто выживет, не будет счастлив:
Вернёт и боль, и то, что жгло и жгло, -
Вспоров осколком горло
Новорождённому покою, -
Забывшее разбитое стекло...
Нет, время раны не закроет -
Утроит, сколько б ни прошло...
Но кто любил - тот славит это зло.

23 сентября 1998 года

Город цепко сторожит ночь,
Напускает на людей сны,
Не проснётся до утра дочь,
Говорит со мной во сне сын.

Сонно бродит сигарет дым,
Бредит морем твой янтарь бус,
В летаргии полюсов льды,
Только грусть моя не спит. Пусть.

Я умею подарить смех
И устроить фейерверк чувств.
Но не хочется пугать снег,
Но волшебный сундучок пуст.

И в карманах у меня – брешь.
И с друзьями у меня – крах,
И растёт с годами лишь плешь,
А вместо волшебства – брак...

Сколько в Лету утекло лет?
Сколько вписано в тетрадь слов?
Только жалости во мне нет,
Что я многих не видал снов.

Нынче реки не текут вспять,
И не тает за окном снег.
Не пора ли мне идти спать,
Потому что новых строк нет?

2 марта 1998 год

Андрей Мирошников

Без поцелуя ночь не та,
Как небеса без «Аллилуйя!»
Я умираю в полночь злую,
Где торжествует Пустота.

Я без тебя – напололам,
На черепки, на горстку пыли,
На крохи по чужим столам,
Как все, которых не любили.

27 апреля 1998 года

Андрей Мирошников

Давайте не разменивать любовь
На суету и ложные обряды.
Друг другу поднося вино без яда,
Вкушая плоть преломленных хлебов.

Мы станем ненасытно говорить,
Мы будем слушать лучшие из песен,
И станет каждый чист из нас и честен,
И примет эти правила игры.

Давайте никого не торопить,
И не сжигать до срока пыл и свечи,
Не обжигать, твердя, что время лечит,
Не обижать, твердя, что Бог простит...

Давайте не прощаться никогда,
Восторгам верить, чувств не унимая.
И если нас дороги распинают –
Давайте не прощаться и тогда.

Давайте никогда не засыпать –
И краток век, и так возможно счастье!..
Уже пора. Приходится прощаться.
Прощаться, чтобы встретиться опять.

1998 год

Е. С.

Твоя тактичность –
Как нетоксичность.
Ты не отравишь
Корявой фразой.
Нет, ты не варишь
В котлах чумазых
Проголклой фальши
Эрзац-заразу.

Ты не ударишь,
Прицелив глазом.
Ты не ужалишь,
Не станешь язвой.
Твоя надёжность –
Твоя причуда.
И ты не сможешь,
Как смог Иуда:

Ты не погубишь,
Целуя в губы.
Тебя не купишь.
Пытаться – глупо.
Надеюсь, грёзы
Не станут грязью,
Не вздрогнет разум –
«Остерегайся»,
Эко –
Логичность –
Логичность
Эго.
Эдак
Эдем
Соберётся сватать:
Возникнет ангел,
Беспол,
Как вата...

Гаси лампаду.
Нарушим святость?

21 ноября 1997 года

Строки мои – это суть Домино –
Чёрное, белое – выплески клавиш.
Любишь? – И сердце, как свечку, оплавишь.
Если не любишь – соришь всё равно.

Я – Домино, очевидец, проснись!
Плач или смех – ты поймёшь, если хочешь.
Окоченев от бескрайности ночи,
Каменным ангелом падаю вниз.

Если на улице ни огонька,
На подоконнике свечку поставь лишь,
Зная – напрасно её ты не спалишь –
Я постучу троекратно, слегка.

Я принесу долгожданную весть:
ПРИГОВОРЁННЫМ ДАРУЕТСЯ ВЕЧНОСТЬ!..
...Страшно, не видя условленной свечки,
Каменным ангелом падать с небес...

Я – Домино! Я не вижу огня!
Слепо пронзаю туманные клочья.
Не засыпай посреди этой ночи! –
Если уснёшь, кто согреет меня?

14 марта 1998 года

Галине

Между нами океан
лет,
Только звёзды, словно сталь
брызг.
Между нами ничего
нет,
Лишь нетронутый пером
лист..
Между нами проводов
звон
И навеки горизонт
чист.
Только накипь радио-
волн
И нетронутый пером
лист.
Между нами тишина
недр,
Бесконечная её
песнь
И на свете никого
нет,
Кто сказал бы: «Что-то тут
есть...»
Никому не посмотреть
вслед –
Так надёжно нет следов
нас.
Да и тот, кто мог смотреть –
слеп,
И мы оба – разных два
сна.
Есть река, а берегов
нет,
Нет убежища и нет
лиц.
Лишь тончайший, словно он –
нерв –
лист.
Нетронутый пером
лист.

3 марта 1998 года

Андрей Мирошников

По волнам плывёт кораблик
На бумажных парусах,
Волны, острые, как сабли,
Хлещут, путаясь в снастях.
А на палубе, героически,
Оловянный человек,
С непогодой бьётся грозной,
Разъярённой, как медведь.

По волнам идёт кораблик
«Побеждающий грозу»,
И стоит герой-солдатик
На ~~корабельном~~ носу:
Он бесстрашно смотрит в море,
Море – волнами кипит,
Море силится измором
Человечка победить.
Но герой он. Он не сдастся
Ни усталости, ни мгле.
Со стихией будет драться
На размокшем корабле,
И однажды море стихнет,
Штилем воду постеля –
Человечек тот воскликнет
Торжествующе: «Земля!»,
И причалит борт лёгкий
К неизведанной земле...

Не плыву к тебе я в лодке,
Не скачу к тебе в седле –
Я тяну к тебе ладони –
Через тернии до звёзд.
...Океан ночной бездонен,
След теряет Гончий Пёс.
И когда туманы скроют
Маяки твои во мгле –
Тут я вспомню про Героя
На бумажном корабле...

Я совсем не оловянный,
Я не слишком стоек. Пусть! –
Через тернии и страны
До тебя я дотянусь,
И тогда, тебя коснувшись,
Я застыну, обомлев...
Может, так плывёт по луже
Тот Герой на корабле?..

6 августа 1998 года

ЛЮБЛЮ

До умопомраченья, до беды,
До бездны, до пророческого края.
Уходят дни и каждый день – карает,
За то, что из него уходишь ты.

17 сентября 1998 года

-1-

Я скучаю. Ты слышишь? Скучаю,
Словно больше нигде, никого.
От себя этот мир отлучаю,
Запрещаю иное родство.

-2-

Я скучаю. Не греется чайник,
Сигарета летит в пустоту.
Отучаюсь, сгущая молчанье,
Безутешно мычать в темноту.
Отучаюсь, – как видно, дичаю, –
В ожиданье смотреть из окна.
Этот вечер почти нескончаем,
Этот чай, словно горькая хна...

-3-

«Я скучаю» не вырвать клещами.
Здесь врачами уже не помочь –
Так шаманы, злой дух укрощая,
Прогоняют свидетелей прочь...

-4-

Я скучаю. Минуты считаю,
А минуты – длиною в года.
Через час самолёт прилетает –
Это значит почти никогда...
«Я скучаю» эпоху венчает.
За окном залетали стрижи,
Вот и сердце, на блюдечке чаинком
С голубой каёмкой,
Лежит.

18 июня – 12 июля 1998 года

ГОРОДА

-I-

Мой город вырос, в камень врос
На стыке моря и пустыни.
Меня ещё не отпустили
Его причальные огни,
Друзей квартиры не остыли,
И те ветра, что нас крестили,
Покуда сил своих полны –
И полнят, полнят паруса,
Что синеву избороздили,
С которой горизонт слился.

1998 год

-II-

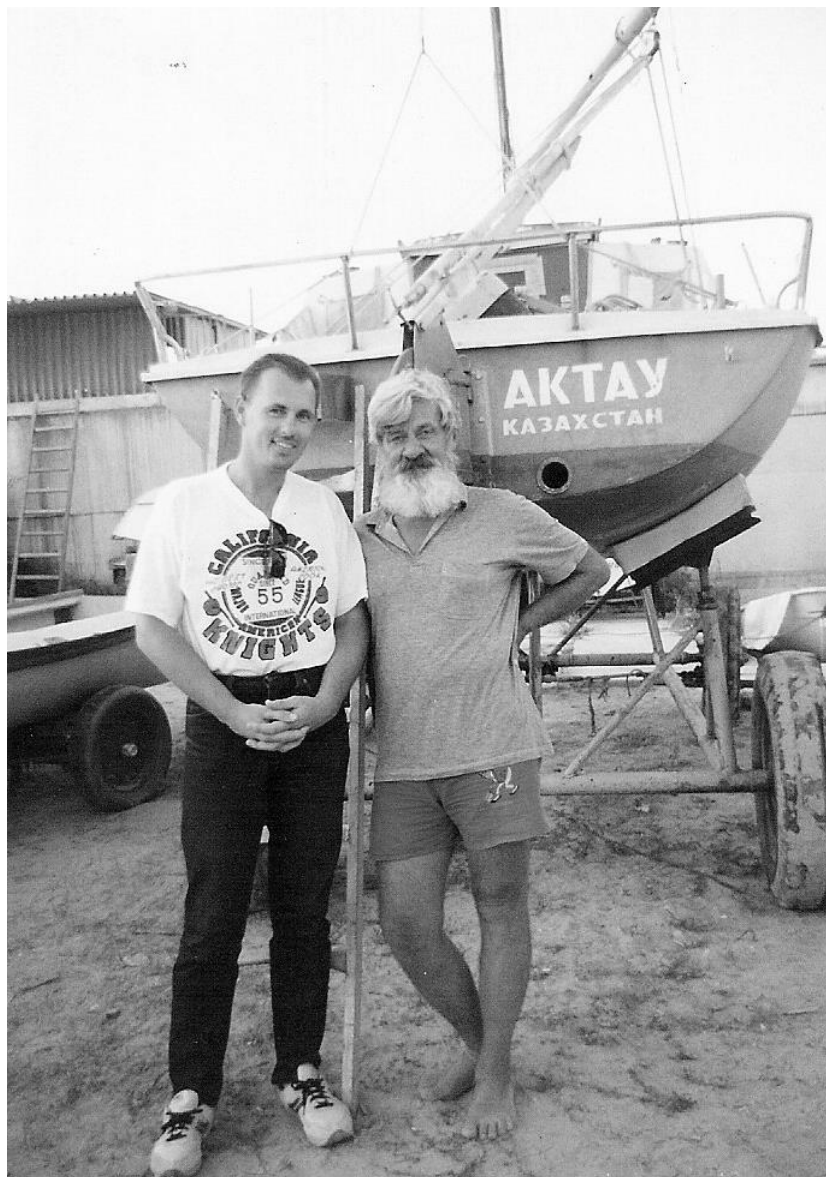
Кто жил у света на краю,
Кто знает, где садится солнце,
Уже нигде не приживётся,
Едва ли, может быть, в Раю...

И те, кто каплей дорожил,
Кто стужей опалён и зноем,
Кто первый камень заложил –
Достоин уваженья Ноя
И место в святцах заслужил.

Кто на неведомой земле,
Лишённой всякого покрова,
Взрастил раскидистые кроны –
Их корни судеб здесь, в скале,

В песчано-каменистой плоти,
Что цвета выгоревшей робы,
Впитавшей соль и слёз и пота,
Вобравшей беды и заботы,
Терпенье наше, нашу боль,
Любовь,
Воистину – до гроба.

1998 год

Лето 1996 года. Актау. С кругосветником Евгением Гвоздём на фоне кормы знаменитой яхты «Лена».

-1-

Я на старом диване.
Летний полдень. Окно.
А на досках охряных
Световое пятно.
Жар кипящего зноя,
Горячи сквозняки.
Город мал ещё, строят –
Краны, грузовики,
Загорелые люди
За заборами зон...
В город ходят верблюды,
Травят первый газон...

Пахнет новой дорогой –
К коммунизму близки!
Из окна новостройки –
Каспий, небо, пески.

Новоселье справляют
На вечерней заре,
И столы расставляют,
Сообща, во дворе.
Двери не запирают –
Здесь пока не крадут.
Место кажется раем,
Даже смерти не ждут.
Здесь до старости долго,
Здесь прощают долги.
А на кладбище только
Два десятка могил...

-2-

Нет за окнами снега –
Не дожил до утра.
Хорошо, я побегал,
Накатался вчера.
Мама градусник тычет:
«Ели в садике снег?!»
Нам опять на больничный,
Значит, дело к весне.
Папа бреется в ванной,
По приёмнику гимн.
Вкусно пахнет блинами
Нежный кухонный дым...
Книги на этажерке,

Круглый стол, абажур
Постигая движенье,
На диване сажу.

-3-

Я на старом диване.
Летний вечер. Окно.
У сестрёнки – свиданье,
Брат с друзьями – в кино.
А из парка, от моря,
Наплывая, как бриз,
Бормотанье актёров,
Щебетанье актрис:
В Летнем кинотеатре
Новый фильм – «Фантомас».
Я завидую брату.
Мне ещё в первый класс.

1998 год

Дорогая столица,
Воплощение сна! –
Я не мог окрылиться –
Не такой тебя знал.

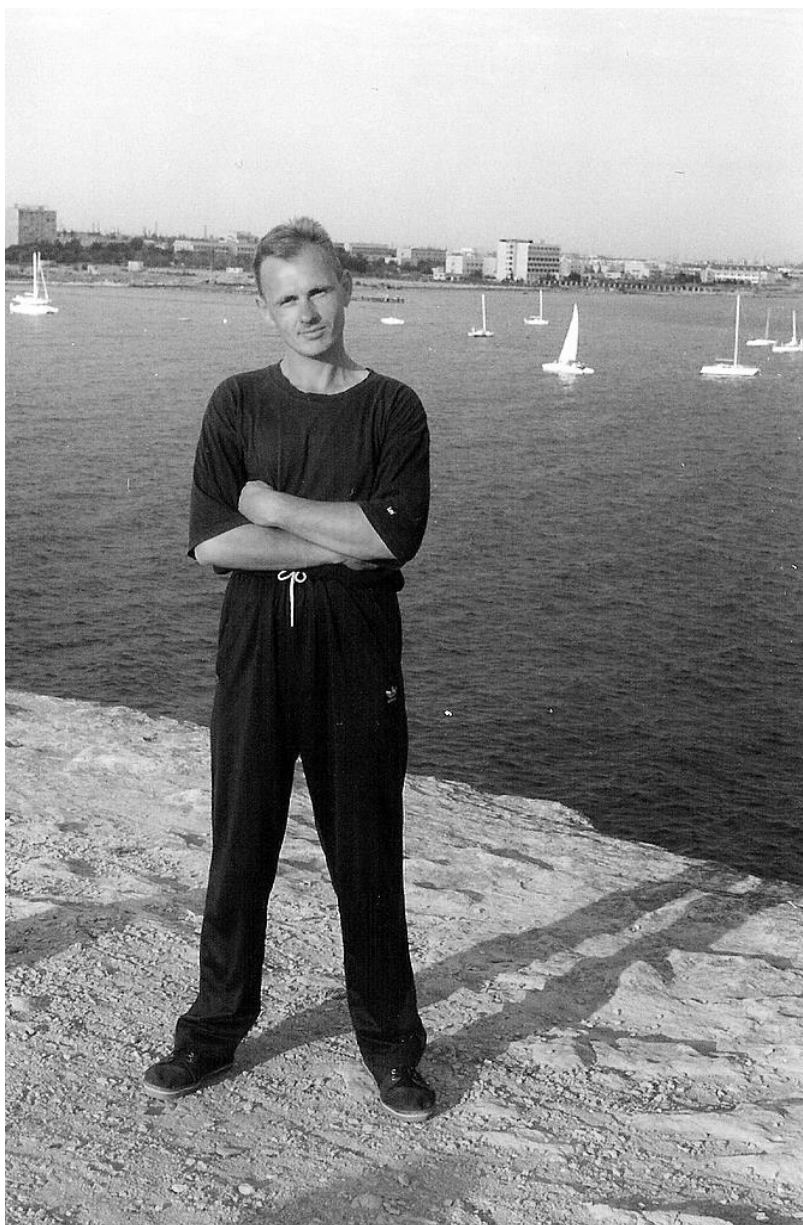
Тут сподручней крутиться,
Тут нельзя созерцать.
Дорогая столица,
Тут влюбиться нельзя.
Милицейские «чистки» –
Этот город не звал.
Всё решает прописка:
«Где прописан?» –
«Москва».

Инфернальные дыры
Вездесущих метро –
Наполняют проныры
Городское нутро:
Мимы глухонемые
С проводками в ушах.
В этом городе мимо
Все куда-то спешат.
Полуспящие зомби,
Как плоды колдовства...
Этот город особый,
Он не знает родства.

Ты исполнена спеси –
И толкают – «Беги!»
И бандитские песни,
И бандитский прикид.
Стали вывески яркие,
Начинают душить –
Мировые стандарты
Не для русской души.

Ты же вытянешь жилы,
Каждый день –
На износ.
Мы навеки чужие,
Мы навеки поврозь.
Нам с тобою не слиться,
Нам сродниться – едва...
Дорогая столица,
Золотая Москва.

10 сентября 1998 года

Июль 1999 года. Актау. Накануне отъезда в Москву.

Ах, Париж, мой Париж –
Ты во мне от бульваров до крыш.
Я приеду, однажды, потом,
Без шарфа, нараспашку пальто.

Ах, Париж... Часто вижу во сне:
На Монмартре подтаявший снег,
И спешат пешеходы твои,
И картаво кричат воробьи...

Ах, Париж, мой Париж –
Нынче в листьях осенних горишь.
В этот вечер, скучая под дождь,
Ты меня представляешь и ждёшь...

Ах, Париж – по открыткам, кино
Мы знакомы с тобою давно –
Нас свели Ренуар и Дега.
Ты узнаешь меня по стихам.

Ах, Париж. «Прилетай, не грусти,
Над каштанами вечер и тишь,
Под каштанами – тени двоих...» –
Мне звонили трамваи твои.

Ах, Париж! Ах, Париж...
Ты меня в огоньках раствори –
Опьянев, я шепну, поклонясь:
«Монпарнас, мой высокий Парнас...»

Ах, Париж. Через несколько лет
Я закончу последний куплет,
И однажды укроюсь в земле
В одиноком своём корабле.

И тогда, под последний портрет,
Пусть напишут: «Последний ПОЭТ».
Пусть добавят: «...влюблённый в Париж».
Мой Париж, от бульваров до крыш.

Башня и Нотрдам де Пари –
Мы в разлуке. Но всё до поры:
Шарф забуду, наброшу пальто
И приеду. Однажды.
Потом.

1 февраля 1998 года

Зимний вечер в незнакомой тихой Ялте.
Всё лениво – пешеходы, море, небо.
Здесь была ты. Ты писала мне. А я-то –
Всё талдычил про себя: увы, мол, не был.

Я ночами всё тоскую о Париже,
Хрипло кашлем подражая Жаку Брелю
(Не пора ли сдать в ломбард коньки и лыжи,
И усвоить, сколько будет мне в апреле?).

Мне хотелось посетить и Копенгаген,
Но сказал один бывалый – там, мол, сыро...
Как назло – но есть хронический люмбаго,
И в придачу – на прогулке просквозило.

А ещё мечтал – московские метели
Осязать азартно южными щеками...
Но в тепле постели воском мякнет тело,
Тяжелея от вина, как будто камень.

Может, утром, словно ставя всё на карту,
Я, пробежку по двору явивши миру,
Дом запру, соседям ключ: «Поехал в Ялту!» ...
Болен я. И денег нет.
Костюм не стиран.

22 апреля 1998 года

В трёхдневный срок
Затосковал и слёг,
И вверх лицом лежал и думал, думал –
Что не успел
Всего, чего хотел,
Что не купил парадного костюма,

Что видел свет –
Два раза был в Москве,
И видел эдельвейс в горах Кавказа.
Но как поэт,
И утешенья нет, –
Париж не видел даже краем глаза...

Я скверно жил –
В разгулах и во лжи,
И если пылью быть в грядущей жизни,
ТЫ дай мне шанс –
Я буду рад лежать
Такой на тихой улочке Парижа.

Но если ТЫ
С щемящей высоты,
Меня услышишь, то, в порядке бреда,
Спешу сказать –
Ты можешь наказать
Меня,
создав невыездным поэтом...

Я умер на четвёртый день.
8 мая 1998 года

Я тебя узнаю сразу,
Город имени чахотки.
Чем притягиваешь души,
Город памяти дождя?
Я приму твою заразу
Драгоценною находкой.
Ты прими, отец угрюмый,
Бесприютное дитя.

Серый призрак Петрограда
Болен белыми ночами.
Серым глазом косит в окна
Укрощённая Нева...
Эти цепи и ограды
Город с вечностью венчают.
Никогда атлант не охнет
И не дрогнет сердце льва.

1998 год

И в день дождливый Страшного Суда,
Когда ни ты сюда,
 ни я отсюда,
В простое самолёты, как в простуде,
И мы боеем в наших городах,
Разъединённых областью дождей,
Откочевавшей из сырой Европы,
И нас кропит водой высокой пробы,
И заставляет жить среди людей,
Хотя, предлог давно уже подлог,
Хотя, давно - от времени отлёта -
Мы в тенетах последнего отсчёта,
И прячем письма в глубине берлог,
И принимаем вечную осёдлость
 (Так загнан зверь
 и ждёт, когда охотник
Нажмёт курок...) .
Сыра погода, рок
Суров,
А Отче - Аввэ! - строг...
Но плачет он, читая пляс агоний,
Казалось бы, надёжно скрытых строк.
Но их стремленье
 жалость не догонит;
Недопустимо Господу рыдать,
Иначе - грядёт Потоп...
А мир и так продрог;
В такую сырость могут проржаветь
И поезда, и всё, что может ездить,
Летать...
О, жалость Божья! О, Господни слёзы! -
Вселенской жалости томит неблагодать.
...И нож не сможет вены переёрзать,
И я останусь доживать и тлеть,
И, медленно старея и скрипя,
Жалеть.
Что век, увы, по-прежнему железный,
А человек - пытаться бесполезно -
Не будет никогда летать.
Тем паче - по сырой погоде.
Лишь письма старые листать,
На то и годен
И в день дождливый Страшного Суда...

5 мая 1998 года

ВЫДОХ

Завтра всё как вчера – это небо, распятое рамой,
И колодец двора с вечной сыростью ночью и днём,
Подоконник, истёртый за годы моими локтями,
Инвалидное кресло, и я, живший некогда в нём.

Я родился таким – инвалидом, уродцем, убогим.
Нелечимую немочь судьба мне в насмешку дала,
Бесполезную ношу – тонки худосочные ноги.
Как хотел я сменить их на два непорочных крыла!

А внизу, как избушка Яги, на бревенчатых лапах,
Голубятня стояла. И весь мой осознанный век,
Круглый год, до зари, появлялся, в затасканной шляпе,
Ненормальный хозяин – добряк по прозвищу Швейк.

И когда поднималось над городом мудрое Солнце,
И стелило лучи или путалось в тучах кривых,
Рассекая пространство, взлетали из глотки колодца
Белоснежные птицы – пернатый неистовый вихрь.

Забывался хозяин в какой-то немислимой пляске
И понятна была эта радость – щенячий восторг...
Я писал кренделя у окна инвалидной коляской,
А над дыркой двора кружевами был вышит простор.

Как-то ночью сожгли голубятню дурные подростки,
И чумазый хозяин вконец одурел и раскис:
Он скуля ворошил обгорелые чёрные доски,
Прижимая к груди тёплый уголь и трупики птиц...

Стало небо пустым. Дряблой кожей старухи обвисло –
Не касалось давно волшебство белоснежным пером...
Я с постели уже не встаю. Дни, как чёрные числа,
И кружит в небесах жирной копотью стая ворон.

1988-1998 гг.

Зной на улице, пыль на стёклах,
На столе – вместо пыли – снег
Белой скатертью. Быть застолью
Или поминкам по весне?

За портьерами – белый полдень,
Раскалённая добела
Пыль дорог. А на досках пола
Вьюга холоду намела.

Созревает под самой крышей
Снег,
И падает с потолка,
И, накинув пальто,
Ты пишешь,
Снег сметая, как пыль, с листа.

Если, вдруг, тяжела погода,
Там,
Коль выйдешь ты, за стеной –
Возвращаешься и уходишь
В этот метео мир иной.

Снег стряхнув, поведя плечами,
Ходишь, слушая хруст да скрип,
И подолгу глядишь в молчанье
В окна с наледью изнутри.

Там – Геенна невыносима,
В пепел крылья палит огнём.
Выдыхаясь, теряя силы,
Ангел бьётся в твоё окно.

6 июля 1998 года

Осенний день яснее, но короче.
Сжимает сердце близость холодов,
И белизна небесная – на клочья,
На клочья – зелень бывшая садов.

...Упасть листвой, безропотно, покорно,
На самый тихий шёпот перейдя,
И обратить былую крону в корни,
Под сирый плач казённого дождя...

Под ранний вечер первый снег на плечи
Опустится, как ранние цветы,
Которые так просто искалечить
Неловким жестом, краем теплоты.

...Залечь, как снег – без шороха и грома,
Стыдливо скрыть неровности и грязь,
Увековечить сумрачную дрёму
Надёжнее немислимых лекарств...

Но вдруг – весна. Ворвётся, и сожжёт,
Растопит белый сонный порошок.

...Принять дурманной солнечной отравы
И лечь, как свежескошенные травы...
Усталость жжёт
Сильней вулканьей лавы.
Устал.

12 июля 1998 года

Этот малый завидует? Бог с ним...
Но завидовать нечему, брат –
Здесь никто так не воет под осень
От желанья отсюда удрать.
Я глотаю лихие снадобья,
Принимаю дурман-порошки –
Будто это лекарство от злобы,
От которой подводит кишки;
Я пишу под наркозом, «под мужой»,
А иначе – скрипенье зубов:
Посмотри, как нахально порнуха
Псевдоним выбирает «Любовь»,
Запивает дешёвым шампанским
Безусловный провал, как триумф! –
Я петлёй замеряю пространство,
Что давно превратилось в тюрьму.

И во сне не бывает пощады –
Собираются искры в пожар.
И взрывается бранью площадной
Мой громадный божественный дар!

Удивляются мудрые люди,
И находят забавным житьё,
Где питаться из общей посуды,
И держаться за место своё,
Размножаться, давая потомству
Понимание: «Делай, как все»,
Отвоёвывать место под солнцем,
Прогоняя незваных гостей,

И взрываться общественно – Стая!
И вливаться, взывая: «Чужой!» ...
...Ты листаешь странички, листаешь,
Отдыхая, под шелест, душой...
Я живу. А считал – по ошибке
Занимаю чужие места.
Но уже не трясутся поджилки
От гортанного окрика: «Встать!»
Я не встану в ряды легиона.
Не ослаблю оскалом уста –
Не отнимут ни рост мой, ни гонор,
Угрызения стаек и стай.

Я глотаю лихие снадобья,
Растираю для них корешки,
Чтобы вытравить точину злобы,
От которой острее клыки;
Чтобы ночью не видеть пожаров,

Чтобы, как бы ни жгли угольки,

.....
.....

Не играть желваками на скулах,
Улыбаться, как будто глухой;
Чтоб любовь отличать от загула,
И дерьмо от хороших стихов;
Чтобы в петлю уж было не в тему,
Даже если изысканный шёлк;
Чтобы просто не путали с теми,
Кто себя в этих стаях нашёл...

Не завидуй ты мне. И не бойся –
У тебя не такая игра:
Слышишь клич? – Заправляйся и стройся.
И добра не ищи от Добра.

29 июня 1998 года

Ты – мой Каин.
Я – твой Каин.
Каждый – зол и неприкаян,
Каждый носит камень свой.
Каждый выжидает время,
Каждый целит камень в темя,
Каждый носит в сердце бремя –
Я живой,
И ты живой.

Ты – мой Каин.
Я – твой Каин.
Нам не надо красной ткани –
Появляясь за спиной,
Кровью красим полотно.
Без оглядки на Завет,
Кровью красим белый свет,
И с небес закат стекает...

Каждый Каин нераскаян.
Каждый каждым попрекаем.
Каждый шепчет: «Не убий!» –
В каждом где-то Авель спрятан.
Люди братья все.
Аминь.

16 августа 1998 года

Е.С.

Последствием безумных мужеств,
Дурных торжеств –
Плащом охватывает ужас.
Подняв на шест,
Себя – отсеченная напрочь,
Но всё ж – жива –
Всё плачет, думает и плачет
Голь-голова.
И думы – поздно и напрасно –
Лелеют сладость,
С которой смешана опасность,
Чьё имя – страсть.
Страх! – загнан в угол. Шепчет вором:
«Сквозь стену – лезь!»
Как время стрелками пришпорить? –
Скакун тот резв!
...Плющ оплетает палисадник
Вьюном молвы...
Куда деваться мне? Я – Всадник
Без Головы!
Безвыходность звучит: «без-выдох»,
Как будто «сдох».
Но если выкрикнуть: «Изыди!»,
Когда же вдох?!
Когда дышать не удаётся –
Умри, усни.
...Да только любится, как пьётся –
Едва начни...

Ходить бессмысленною тенью? –
Снедает зуд –
Рой человеческих суждений –
Не Божий суд,
И суд неправедный, но скорый,
Как сверк ножа...
Как только выдохнется Сторож –
Бежать! Бежать! –
Сквозь обесстыженные степи,
О двух конях,
Туда, где сумрачные дебри –
Вид из окна, –
Там неухоженные ветки,
Там дикий сад.
Там – не подрубят и не свергнут –
«Таких – нельзя!»

... А здесь – иссушены до треска –
Коряги пней:
«Кусты нуждаются в обрезке,
В цвету – сильней...»
Стальными лезвиями правил
Поправят – Сверк!
От усредняющей потравы –
В побег! В побег!

Не стать растением покорным
«Хоть под пилу!»,
Прожить, не распуская корни
Цепляться вглубь,
А голову теряя в скаче –
Долой, душа! –
Вселенную загнать, как клячу..
Бежать! Бежать!

17 июня 1998 года

N.N.

Стряхни меня, как холодный пепел,
Не плачь ночами, кончай дурить –
Я только имя в твоей newspaper,
Всего лишь повод
Перекурить.

Я просто вывих твоих гормонов,
Изысканный выстрел в плохом кино,
Где смысла мало от церемоний,
Но хину в воду, но яд – в вино...

Меня нетрудно поставить в стойло –
Я парень смирный, я не лихой.
Найди мне место в земной юдоли,
Стряхнув, как пепел плохих стихов.

Бумага крыльев ломает стены.
Мне будет тесно в любом раю –
Я Ангел Ночи. Я – Невеселье.
Я шаг сбиваю, когда в строю.

Свои архивы спиши за сроком,
Вернись к покою, пока горит.
Все наши беды – в газетных строках.
Остынь немного.
Перекури.

16 июля 1998 года

В этой бешеной круговерти,
В этом полном огня Аду,
Мы, пытаюсь забыть о смерти,
Тщетно верим, что не найдут
С острым нюхом – подземлюройки –
Востроглазые существа,
Что живым урезают сроки –
Так не вовремя! Свят, свят, свят! –
И сквозь пекло бежим с оглядкой –
Догонялки – игра проста:
Убегая, глядеть украдкой:
Нет ли сзади ещё «хвоста» ?..

И бежали б, не поспешая,
Не петляя, могли б идти.
Зная – та, от кого бежали,
Встанет вдруг поперёк пути,
Пылко примет в свои объятья,
И шепнёт: «Я тебя ждала» ...
И никто никогда – обратно.
Ни за скорость, ни за талант.

7 июля 1998 года

Приходят друзья – на пороге встречай.
А с ними – подруги, которые – плюнь...
Льётся рекой нескончаемый чай,
Тянут беседу, как тянут соплю.
Подруги утешат: «Да что ты? Кайфуй!»,
Неверно толкуя кручину-печаль,
И как тараканы по комнатам... Тьфу!
Чуть-чуть – и заваришь особенный чай:

Настоянный мятой чистейший стрихнин...
Квартира из крепости стала тюрьмой:
Приходят друзья, убивают стихи,
А после – зевая – уходят домой;
А после – ты болен и пуст. Ты сидишь
И смотришь, как в небе бледнеет Луна.
За трупы стихов – так воспитан! – не мстишь:
Ночь впереди. И, к тому ж, не одна.

К чему бесноваться? Кричи, не кричи –
Дыру не заделать изыществом драм.
Ты станешь опять собирать кирпичи –
Библейские камни –
И складывать
Храм.

1988-1998 гг.

АВГУСТ

По странному стечению обстоятельств ли, по странной и страшной традиции ли, август стал убийцей русских поэтов «серебряного» века – Александра Блока, Николая Гумилёва... Позднее, но тоже август унёс жизни хранителей духа «серебра»: умер Максимилиан Волошин, рассчиталась с жизнью Марина Цветаева.

«Поэт в России больше, чем поэт...» И смерть поэта всегда больше смерти человеческого тела. Это всегда Уход в Небытие его эпохи, духа, ореола. Потом или беспмятство, или бронза...

Наверное, самые тяжёлые потрясения моему поколению последний месяц лета принёс в день гибели Виктора Цоя, затем и смерти Михаила «Майка» Науменко. И хотя трудно эти имена поставить в один ряд – все они часть великой русской культуры. Так созвездия образуются из звёзд, находящихся в разных уголках Вселенной. Этих поэтов в созвездие объединил август.

После ухода каждого поэта остаётся вечная вакансия. «...На этом месте в небе должна быть звезда. Ты чувствуешь сквозняк? – Это место свободно...» Это строки из песни Бориса Гребенщикова. В августе же погиб его друг, скрипач группы «Аквариум» Саша Куссуль...

Август – убийца поэтов? Или это простое совпадение? Бывает такое в законе случайных чисел. Но уж больно много попаданий в этой русской рулетке.

Август. Отчего так сжимается сердце при виде падающего метеора, будто и вправду есть связь небесного тела с жизнью человеческой?.. Ты чувствуешь сквозняк?

Астрологи смотрят на звёзды,
Читают расклады судеб,
И пишут, и пишут прогнозы.
А звёзды – висят в пустоте.
На кончике лезвия лета
Повисла комета. Как встарь:
Когда умирают поэты –
На землю нисходит сентябрь.
И падают мёртвые листья,
И зрелыми гроздьями – грусть.
Планета рыжее лисицей,
А я, улыбаясь как трус,
Гуляю по лезвию лета...
Ночами не хочется спать –
Сезоном умерших поэтов
Назначено августу стать.
На стыке столетий поэты,
На самой границе эпох:
Кто пропит, кто продан, кто предан.
Безмолвствует в августе Бог:
Шурует ковшом во Вселенной,
И молча срывает звезду –

Знаменiem переселенья
Очищенных пламенем душ,
Омытых спиртовым раствором,
Отёртых дерюгой рубищ..
Не слышит сторонних укоров,
Не видит забытых кладбищ.

Ночами безвыходно-душно,
Сверчков неуёмная трель,
И в глотках колотятся души,
Которым не жить в сентябре –
Спешат отделиться от плоти,
Стремящейся в недра Земли –
Вот так повторяли пилоты
Бессмысленность «мёртвой петли».

...И петли дверные скрипели,
И зубы скрипели: «Пусти!»,
Когда потолочные петли
Еще оставались пусты..

Короткое лезвие лета
Короче солдатских штыков,
Короче ожога от плети,
И недорождённых стихов.
Короче, чем прочерк кометы,
Короче наганных стволов..
Надёжнее всех аргументов,
Вернее беспомощных слов.

Поэты, предчувствуя осень,
Хрипят в неподвижной жаре.
И падают, падают звёзды,
Как после – листва в сентябре.

Я знаю, что рано за мною,
Я знаю, что не заслужил.
Я слышу: «Земному – земное» –
Звезда, не сгорая, жужжит.
Однажды – замолкнет, собьётся –
Мелькнёт обжигающий блиц.
Сосед мой – охотник-пропойца –
Откроет охоту на лис.

11 июня 1998 года

Жара почти невыносима –
Под пятьдесят.
Глубины выгоревшей сини
Вверх дном висят.
Готовы вспыхнуть керосином,
Одним костром,
Едва глаза твои призывно
Блеснут искрой...

Жара отступит лишь под вечер,
И вот, тогда,
Я украду для мира Вечность –
Ты будь горда.
Я постелю её у моря,
На шум волны,
Для всех, кто любит –
Пусть посмотрят
Закат и сны.

На чёрном зонтике Вселенной
К звезде звезда.
Привычно всё. Одно бесценно –
Твои глаза.

Когда жара невыносима,
Вот-вот пожар,
И небо синим керосином –
Сжигай, не жаль!

1998 год

То ли шелест тяжёлых знамён,
То ли шорох воздушных шаров –
Слышу отзвук далёких имён,
Словно треск погребальных костров.
Догорает свеча на столе,
Таёт эхо последней беды.
Я в бутылочном тусклом стекле
Вижу зелень стоячей воды.
Тишина будет небо лкать,
Будет ангел касаться плеча...
Только в небе живут облака,
Только в сердце – Любовь и Печаль.
Улыбайся, но слёзы прольёшь,
Понимая, что мы здесь – одни.
Наши праздники – тяжкая ложь –
Так похожи на сонные дни...
Тридцать три – доверяясь листку...
Не скрывай седину, и не прячь
По цветущему саду тоску
И по смутному времени плач.

Июнь 1997 года

ПУСТОЦВЕТ

ПУСТОЕ МЕСТО СВЯТО НЕ БЫВАЕТ

Отлетела душа Ребёнка –
Он зачатым был на убой –
Плоть прозрачного лягушонка
С хрустом, чавкая, сгрызла боль.
Быть разорванным на кусочки
В теле матери – это Ад.
Босх и Гойя – ещё цветочки,
Где такое нарисовать?
Где им видеть такой конвейер –
Всё расписано по часам –
На котором живое время
Извлекается по частям...

Каменеют глаза иконы,
Омрачается лик Христа:
Материнство не пустит корни –
Ты бессмысленна и пуста.
Несвершившаяся мадонна,
Ты сумеешь теперь начать
Жить в огромном пустынном доме,
Корчась в холоде по ночам.
Не споёшь колыбельных песен,
И кусок не поделишь с Ним:
Ты боялась, что будет тесно,
Что короткими станут сны.

И беречь бы Его, и прятать,
И наказы блюсти врачей..
Люди с клятвой Гиппократата
Превращаются в палачей:
Ты выходишь за эти двери,
Продолжаешься ты, живёшь,
А надежда, любовь и вера
Превратились в кровавый дождь.
Лоно, лживое, как реклама,
Примет семя ещё не раз.
Но священное имя «Мама»
Не купить тебе, не украсть.

23 ноября 1998 года

Беззастенчивый гогот:
Кислым воздухом оргий
Задышается горло...
Без горбов, но убоги.

Веселится отрыга,
Бесшабашная погань.
Просыпаюсь от крика:
«Мы всесильны! Мы – боги!».

Но в полуденной яви
И в дремоте глубокой,
Кто-то, с ясностью язвы:
«Мы не боги. Не боги».

Не вмещаются мысли
В заскорузлые слоги.
Наши истины – мизер.
Неужели не боги?!

Вдохновение киснет
Меж холстами и водкой,
И царапают кисти:
«Почему мы не боги?!».

Словно времени кража –
Наши стройки и строки.
Наше пение – кашель.
Мы бойки, но не боги.

Даже если вне правил,
И когда одиноки,
Если рядом нет равных –
Мы не боги. Не боги.

Мы прибили гвоздями
Богу
Руки и ноги,
Но при этом не стали
И подобием Бога...

Мы возвышены Ницше,
Дух Величия – огненн.
На надгробии вышнем
Мы как прежде – не боги.
И рабы,
И отребье
В императорской тоге –
Жадно тянутся к небу.

Андрей Мирошников

Небо – дёргает током...

31 декабря 1997

В мёртвом гетто, на обшарпанной стене,
Нарисован, нацарапан человек –
Растопырив жалко пальцы на руках,
Он бежит на слишком тоненьких ногах.

Он напуган. Он, наверное, в бегах.
А за ним – собаки с пеной на клыках.
Догоняют, догоняют беглеца –
Он уже готов к закланью, как овца.

Жаждут жертвы глотки адовых печей,
Расторопность чистокровных палачей.
Горло сохнет. Ноги хилые дрожат.
Вот и стенка. Вот и некуда бежать.

И всё дальше и беспомощнее Бог,
И всё ближе лязг подкованных сапог.
На спине у безымянного жида –
Знак гонения – Давидова звезда...

1 июня 1999 года

Время, покрытое льдом,
Вместо плесени – иней.
Здесь мы гуляли в пальто,
Здесь от холода – лень.
Греясь, палили костры,
Где сжигали картины.
Здесь были люди добры,
Как попавшие в плен.

Здесь доверялись костям,
Воспевали безродных,
Яд подносили гостям,
А ласкали – свиней...
Падали камни с небес,
И рождались уроды,
Брали святых под арест
И топили в вине.

Здесь размягчённые лбы
Проникали в бессмертье,
Здесь из горячей избы
Выносили лишь сор.
Освобождали рабов,
Приносили их в жертву.
Здесь восклицали: «Любовь!»,
А вели на позор.

Здесь, на краю кутежа,
Рассуждали о вечном,
Не торопясь, не спеша
Корчевали умы.
Строили замки из книг
И надежды овечьей...
Здесь принимали огни
За исчадие тьмы.

Здесь, где века, как река,
Что спустилась в долину.
Здесь – за строкою строка –
Безупречная цепь:
Здесь замерзали назло
С водкой и героином,
Дату священным числом
Оставляя в конце.

Здесь поклонялись ничьим
И великих могилам,
Здесь подбирали ключи
К отворённым дверям.

Здесь, обнажая клыки,
Улыбалось Бессилье
И зажимало в тиски
Тонкий стебель Добра.

Здесь, на сквозном пустыре
Исторической драмы,
Словно в медвежьей норе,
Было велено спать...
Здесь, в невесомости вер
И в надёжности дряни,
Царствовал сумрачный зверь,
Не смыкающий пасть...

Здесь, где беда без суда,
А враньё – белокровьем,
Где пароходом во льдах
Застревали года,
Всем ожиданиям назло
Появлялись герои –
Дети Небесных Послов,
Что готовы страдать.

Ждали посланцев тепла
Вши, пурга да бараки,
Но прогорал до угля
Материк января.
Таял истоптанный снег –
След не брали собаки,
Люди, взлетая во сне,
Просыпались паря...

...Рано списали пальто –
Здесь же оттепель – случай.
Рано на «ты» с высотой,
Забывая насест...
Будем писать для костров
Больше, ярче и лучше.
Не принимая послов,
Воспевая, что есть.

...Сколько б воды утекло,
Сколько б выросло крыльев,
Утром на травы легло
Очищающих рос!..
Здесь, если оттепель – грязь,
А дороги – разливом.
Здесь от тепла нет добра,
Словно толку от грёз.

26 июля 1998 года

Как у рыбы плавники,
Так у птицы – перья.
Сволоча все мужики,
А все бабы – стервы.

1998 год

Увы, иззрелая мадам,
Умри от чувственного зуда! –
Я никогда тебе не дам
Испить из этого сосуда.

Ты будешь долго ждать любовь,
Тянуть мне плод из рая: «Кушай!» ...
Мне не вонзить своих зубов
В твою иссушенную грушу.

О позднем бремени садов,
О зимней вишне шепчешь еле,
Но вянут лепестки цветов,
И тянет ладаном с постели...

Ты не подросток. И уже
Пора обрести святого страха –
Достаточно влюблено ахать,
Пора подумать о душе.

10 июля 1998 года

-I-

С детства, смолоду
Дохли с голоду,
Перемолоты
Меж тисков,
Злы, как демоны,
Даже семенем:
Крепко в темени
Звон оков.

Злые, беглые -
Ждут нас с петлями
Баре белые,
Ружья войск...
Стоит сесть в седло -
Станет весело,
Ветром понесёт
Песню-вой.

Если станется -
Царь навалится
Порасправиться
Лихо, всласть -
Что печалиться? -
Рот оскалится,
Свистнет палица:
«На-кась, князь!».

Жизнь-ненастиха -
Крыши наших хат
Будут полыхать -
Жги, айда!
Плачьте, ироды:
Наших выродков
Вам не вырезать
Никогда!
Степь долинная,
Степь полынная,
Грива длинная -
Конь-дикарь.
Стопки-чашечки,
Сабли-шашечки,
Волга-матушка,
Дон-река.

31 июля 1998 года

-II-

Зимним полем конница –
Далека.
Гул её доносится –
Гром-река!
В снежном вихре – кованой
Стали блеск.
Пулемёт в агонии
Льёт свинец.
Нервы не верёвочки –
В брюхе страх.
Хлопают винтовочки,
Бах! Бах! Бах!
Выстрелы неслаженны
И редки.
Крик обескураженный:
«Казак!»

Влёт да по-над насыпью,
Через ров! –
Не сносить ни касок вам,
Ни голов –
Лава прорывается –
Горяча.
Шашки разыграются
От плеча!
... Дрогнули, попятились
Из траншей.
Тех, кто не попрятались –
Бей взашей –
Сталью в сухожилия,
В плоть да в кость –
До земли круши его,
Наискось!..

Унтер был за смелого –
Молодой.
Целил парабеллумом,
Рвался в бой:
Он метался, словно волк –
Долг зовёт!
А на фланге вдруг замолк
Пулемёт.
Догнала окопного
Шашка – Э-эх-х! –
И каскетка лопнула
Как орех.
Офицерик паники,
Не сдержал,
И солдат без памяти,

Побежал...

Устремилась конница
На прорыв.
Этот день запомнится
Тем, кто жив –
Храп коней да гул копыт,
Свист клинков,
Ярость, что в крови кипит
Седоков.
«Сколько бы ни шло извне,
Войн и бед» –
Говорил в Ростове мне
Старый дед –
«Туркам ли, французам ли,
Прусакам,
Не умерить удали
Казака.

Будь покойна, Родина,
Вольной будь.
Не носить от рода нам
Вражьи пут:
Если лихолетие –
Все пойдём!»
Сохранил наследие
Тихий Дон.
24.04.09

Ах, душа моя кипит,
Сердце бьётся птахой –
Я решил себе купить
Белую рубаху:
Упаковку развернул –
Захрустела – сахар!
Сладко в чистую нырнуть
Белую рубаху...
Рады тело и глаза,
Сердце бьётся птахой:
Обрядился, и в князьях –
Вечером к Натахе!

...В тёмных улицах свечусь,
Дух свело от страха.
В подворотню – не хочу!
Чёртова рубаха!
В наше время в белом – зря:
Дали в глаз с размаху.
Мокнет, ключьями вися,
Бывшая рубаха...

Чтобы больше не жалеть,
Чтобы жить вальяжно,
Заведу себе жилет
В пятнах камуфляжа,
А к жилету – автомат,
Да стальную каску,
Да омовцев отряд –
Вязанные маски.

И душа вспоёт, кипя:
«Покрошить, уродцев!» ...
И рубаху покупать
Больше не придётся.

А хотел себе купить белую рубаху...
1988-1998 гг.

Осень настала – ангелы падают с неба.
Вот и сосед заряжает ещё раз ружьё...

Под лопаткой саднит – прорастает второе крыло?
Полетят журавли – не останусь пешком на равнине.
Только, вдруг это вновь
заурядный вульгарный нарыв?

Отняли ногу врачи – вчетвером навалились...

1998 год

В листве последней лип
Запуталась звезда.
Напоминает всхлип
Невнятный выдох: «Да...».

Листвой сады дымят,
В груди горит душа.
Готовится зима
Ожоги остужать.

А я – нарву цветов,
Луга отеребя –
Их мёртвой красотой
Обрадую тебя.

30 июля 1998 года

Ты особенно был отмечен –
Не имел ни святынь, ни вер –
Душу бедную искалечил
Всадник сумрачный – Люцифер.
Ты тягаться надумал с Богом,
Ты природу кроил и шил,
И, вселенским грозя потопом,
Реки древние крыли вширь.
Рощи сбриты. На косогоре
Было весело топору.
Ты, гордясь рукотворным морем,
Под награды подставил грудь.
Так, в погоне за днём успеха
Тонут словно, уходят вниз –
Имя честное человека,
Лепет совести, вера, жизнь...

...А отринутые святыни
И могилы из рода в род,
Утонули в цымлянской тине,
В глубине пролетарских вод...
И ночами, когда не спится,
В тёмном небе, пугаясь жить,
Билась тень опалённой птицы –
Бесприютной твоей души.
Ты же помнишь, как после чарки,
После баньки с крутым парком,
Твой прапрадед свою сигарку
Здесь раскуривал угольком;
Как плясала родня от печки,
Бабка ставила пироги,
А когда опускался вечер,
Все смотрели на угольки...
Тяжко выдохнув, веки смежив,
С колкой дрожью покинув плоть,
Ты поймёшь, что как будто не жил,
Что напрасны и кровь, и пот.

...То ли болен был, то ли ранен,
То ли ждал, что тебя простят? –
Ты в банальной оконной раме
Видел символ святой Креста...
Что теперь бить перстами плечи,
Да в наградах трясти мундир? –
Утонула старуха-печка,
Твой последний ориентир.

1995-1998 гг.

Слетаются к лампе жучки,
Порнуху глядят мужички
И лапают потно стаканы,
Азартно гудят и жужжат.
О прошлом разводят руками –
«Когда-то и мы... рысакми»,
И, вслед за настырностью камер,
Следят за руками-ногами,
Краснеют, кряхтят мужички;
Под выхлоп фальшивого смеха
Слетаются к лампе жучки
И падают лапками кверху...

1995 год.

...А умираем так, как негерои –
Хрипя, пуская кровью пузыри,
А над огромной, плохо вымытой страной,
Сияет Солнце вывеской «Умри».

Мы умираем, понимая тщету
Собрать вокруг и близких, и родных,
Так дерево, разбитое на щепы,
В былую целость не соединить.

А умираем по-другому, глупо –
В чужом краю, а рядом – никого.

И прямо в неопознанные трупы..

«Грузи его...»

«Тяжёлый, жмур...»

«Да брось, ему до фени...»

И глухо в пол ударит голова,

Которая, когда была жива,

Упрямым лбом в твои легла колени...

А умираем зло и в одиночку,
В агонии, на хмари простыней,
Без музыки героической, не на площади,
Не как хотелось – быстро и во сне.

Мы умираем просто на ходу,
Перебегая спешно перекрёсток.
По глупости, что свойственна подросткам,
Растягиваемся на льду.

Мы умираем в дальних поездах,
В метро, в вагонах древних электричек,
Не дожидаясь «скорой». Как всегда,
Подзапоздав, чужая медсестричка
Устало констатирует «Готов» ...

Мы умираем глупо. Просто так,
Увы, без смысла и высокой цели,
На тротуаре лёжа, не в постели:
Под шеей чей-то свёрнутый пиджак.
Чужие люди то спешат спасать,
То наблюдают с неким любопытством.

Мы умираем, слыша: «Это приступ» ...
И, видя, как черствеют небеса,
И, ясно понимая – не готовы! –
Без знамени, без слов, не на коне.
А так хотелось – напоследок слово.

Андрей Мирошников

По крайней мере – быстро и во сне...

Июль 1998 года

Прибежали в избу дети...

Солнце цвета красной меди,
Словно только от Творца.
Мужики бросают бредень –
Бредень ловит мертвеца.

Лёгкий ветер, вечер летний,
Волны с теменью свинца...
Пальцы цепко держат сети.
Эти сети без конца.

17 сентября 1998 года

Кто я? Как мне определиться
Между твердью и облаками?
Кто я – лёгкая сердцем птица
Или вросший в пустыню камень?

Плоть развеется по Вселенной,
Угольками навеки канет,
Но останутся неизменно
Крылья птицы и тяжесть камня.

Циклы солнечных репетиций,
Многоликость Вселенской ткани...
Наблюдая за бременной птицей,
Помираем ногою камень.

Будет Время за край катиться,
Как монета с двумя боками –
Миг – раскинула крылья птица,
Вечность – невозмутимый камень.

Человек загоняет тайны
В цифры, графики и таблицы,
Только, кланяясь глыбе камня,
Жадно, цепко следит за птицей.

К тем высотам не подступиться,
Даже если стократ увенчан...
Высекая из камня птицу,
Человек постигает Вечность.

1996-1998 гг.

КОНЕЦ ВЕКА

ПОЭМЫ

МЕЖСЕЗОНЬЕ В РАЮ

«БЕЗ ТЕБЯ ЗИМУЮ В ЯЛТЕ...»

«УХОДИТ ОСЕНЬ. ЧУВСТВА ЖАЛЬ».

ТЫ ЗАВЕРШАЕШЬ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК,
ТЫ СТАВИШЬ ТОЧКУ В ТЫСЯЧЕЛЕТЬЕ...

-1-

Нынче осень за окошком
Бродит болдинской княжкою.
Так истошно воют кошки,
Так истомно сердце ноет...

Опадают в полночь листья,
И на плечи – эполеты.
Плачет маленькая Лиза
По убитому Поэту.
С нею рядом кто-то взрослый,
И беда ему – до фени:
Он давно уже серьёзный,
У него свои проблемы.

В прошлом веке юный гений
Был загублен на дуэли...

Мы другие носим гены.
Мы другие ставим цели.
Мы с тобой уже седеем,
Мы с тобой давно не дети –
Не умеем, не умеем
ТАК жалеть, что нет Поэта...
Мы, читая некрологи,
Научились делать лица.

Так светло и одиноко
Плачет маленькая Лиза.

Мы с тобой уже безбожно
Научились лицемерить,
Проявляя осторожность,
И стихам уже не верим:
Диссертации и визы,
Деньги, должности,
Карьера...
Позади уже полжизни,
Впереди – борьба за серость.
А когда закончим гонку
И умрём в своей постели,
Может быть, нам станет горько,
Что вот так, не на дуэли...
И устроят жёны слякоть,
Может быть, помянут дети.
Но по нам не станут плакать
Так, как плачут о Поэте...

... Был уверенным по-княжьи,
И не думал я, что скоро

Так захочется, до жажды,
Быть достойным этой скорби.

В этот миг неповторимый,
Может быть, и в самом деле
Мы слегка на душу примем
За погибших на дуэлях?
Вспомним чудное мгновенье?
Вспомним всех, кто был нам близок?
Научи, малышка Лиза...

Брошу всё. Уйду в поэты,
Стану жечь сердца глаголом.

...Осень дарит эполеты
Тем,
Чей путь был так недолог.

-2-

Межсезонье в Раю. Межсезонье.
Лето кончилось в нашем краю –
Я стаю на краю горизонта,
Я хожу по его острию.

Межсезонье. Испорченный зонтик
Не спасает от долгих дождей.
Никого в полосатом шезлонге,
Никого в потемневшей воде.

Межсезонье в Раю. Поражённых
Благолепьем красот – никого.
Дождь в Раю, как и дождь над Гудзоном,
Раздражает людей и богов.

Межсезонье в Раю. Межсезонье.
У ловцов опустели сачки.
На крестах безымянной часовни
Облака оставляют клочки.
Межсезонье в Раю. В нише сонной
Чаще хочется лезть на рожон...
Манифест на табличке казённой:
«По газонам проход воспрещён».

Межсезонье в Раю. Межсезонье.
Открываю в одну из ночей:
В межсезонье страдают бессоньем
Все полдюжины местных врачей.

Межсезонье в Раю. Нерезонно
Бюллетени прогнозов читать:

Это время бывает весёлым
Лишь на пёстрых рекламных щитах.
Межсезонье в Раю. Межсезонье.
Шизофреники снова в строю,
И гуляют в плащах и кальсонах,
Улыбаясь, сидят на краю...

-3-

Так это ты тот Гений?
Ты,
один из тех, кто свит из праха?
Всё куришь, всё не спишь ночей,
сложив персты,
воруешь Божий сахар,
трясаясь от страха?

Ты Гений?
Ты -
попался. Взят с поличным -
не смей, ничтожный раб и червь,
сложив персты, касаться Божьего величья
И Божьей пищи!

Ты Гений?
Ты,
тот, в кого нещадно, жадно
тычет то мрак, то нестерпимый свет?
Сложив персты, тебе Эпоха свищет?
Тебя ли ищет? Нет?

Ты - ГЕНИЙ?! Да ты
Попроше простоты -
истачивая перья на перлы,
сложив персты,
ты в Слове ищешь Миру
Меру...

Ты, Гений -
Ты
усвоил зря, напрасно,
что вначале было Слово.
Фигурою в три пальца,
мол, на-кась, голубок,
сложив персты,
тебе скажу:
то слово было «Бог»...

.....

А где же Гений тот? Что?!
Неужели «...в ящик»?

А тут Господь просил,
Чтоб передал ему я сахар,
А на словах: «Пиши почаще».
А то, мол, уж который день
О Мире нет вестей,
Эпоха сбилась с ног:
«Ну, где же наш пропащий?» ...
А Отче нынче ночью
Плакал...
Ах, Гений. Как ты мог?..

-4-

Бестолковый, да невезучий,
Понапрасну учили жить -
Не желаю
 служить по-сучьи,
Не умею
 тишком грешить.
Я всё более симпатичен,
Всё выносливей, всё сильнее -
Нескончаемость зуботычин -
Средство лучшее от соплей.
За подножки и за удары,
За сгибанье в бараний рог,
Верьте -
 искренне благодарен,
Обретая живучесть строк.

Обретаю -
За словом слово -
И уверенность я,
И стать -
Поднимаясь опять и снова,
Потихоньку учусь летать.
Без оглядки на разговоры -
Пусть играют,
 как дети в мяч...
Быть непризнанным сытой сворой -
Сверхзадача из всех задач.
Надо помнить, лелеять, холить,
Надо славить своих врагов -
Их потуги
 отличной школой
Нас выводят из дураков.
Чтобы в жилах не стало жиже,
Пусть получают упрямо лбы,
Больше ссадин и больше шишек -
Музы любят того, кто бит.

-5-

Ничего не хочу рисовать,
Просто выдавить краски на холст,
По прохожим стихи рассовать,
Да гитару повесить на гвоздь.
Никуда, никому не звонить
И себя не искать в зеркалах,
Оставляя лишь право на сны,
На прохладу хмельного стекла,
На полдюжины читанных книг,
На которых так бархатно – пыль...
Я у музы своей
Отпускник.
Пусть считают, что просто запил...

-6-

На окраине окраин,
Во внесущей тишине,
Мы молчим о самом главном –
Я и Бог – наедине.

Так сидят на крае крыши,
Выше сущей суеты,
Двое захмелевших нищих,
Выдыхая сизый дым,
Разделив дрянной напиток,
Папироску пополам.
И у каждого – избыток
Нерастраченный
Тепла. В эпизоде вечной ночи
Молчаливый диалог.
Прописал кометный прочерк
Безупречный немо-слог.
Кто Творец, а кто – творенье? –
Ни к чему сутяжный спор:
Откровенье к откровенью –
Безусловный разговор.
Назначенье наших миссий –
В неразъемимом родстве.
И никто из нас немыслим
В одно-
че-
стве.

1997-1998 гг.

КОПЕЯ

НА СТЫКЕ ДВУХ ВЕКОВ,
И ДВУХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ,
НЕ ХОЧЕТСЯ ИМЕТЬ ДОЛГОВ
И СЛЫШАТЬ СПЛЕТЕН.

-1-

И гладить твои волосы,
И ждать, покуда Время нас не пожалеет –
В тени аллеи,
Где душа свежа,
А кровь пьяна
И так дрожат колени...

Прислушиваться к голосу
И знать,
Что есть у сказки доброе начало,
Что нет прощаний,
Нет у ночи дна,
У страсти – сна,
У шёпота – печали...

-2-

Между Западом и Востоком,
Между прошлым и «никогда»...
В окоёме вагонных окон
В тёмном небе плывёт звезда.
В этом мире, под этим небом,
Этот поезд – случайный гость.
...Отслужив по душе молебен,
Полночь катится под откос.

Я случаен, как этот поезд,
Неуместен, но я вмещён
В чью-то грустную чудо-повесть,
Переписан, переkreщён...
Над прогорклой полынной степью
Стук колёс сотрясает высь.
Знаешь, прошлое – это пепел.
А грядущее – твой эскиз.

-3-

В былье обыденных картин,
В порочной гари полустанков,
В истоме длительной стоянки,
Совсем отчётливо –
Один.
Под шелест кипенных страниц,
Под качку, лязг и перебранки,
Мои убогие останки,
Лежащие уныло ниц,
Так медленно электровоз,
По колее-тоннелям-стрелкам,
Через леса, поля и реки,
Не торопясь,
Лениво
Вёз.

(В почти серебряном упадке,
Переходящем в провода,
В контакты, рельсы,
В никуда
Всё катят, катят поезда.
Столетиям обрубая пятки
И безнаказанно гудя)
И, сквозь уединённость сада,
Мелькали в прошлое века.
Строка пера Пастернака
Равна, по сути, листопаду...
И тужился электровоз,
Впрягаясь в грязные вагоны,
Внимая скуке законной,
Плацкарт сутулился
И мёрз.

-4-

Расстояние лечит...
Этот врач не по мне –
Я ищу твои плечи
В промелькнувшем окне,
В полудрёме вокзала,
В суете деловой.
Я шепчу: «Показалось»,
Но верчу головой.

Не хотелось прощаться,
Не хотелось прощать,
Не спешил обольщаться,
Не спешил обольщать –
Что гореть, словно спичка,
На вселенском ветру?
Что за странный обычай –
Превращаться в искру,
Остывать безнадежно,
Никого не согрев?...
Утаённая нежность –
До отчаянья –
Режь!
Таёт медленный вечер.
Не отыскивай лжи –
Даже с собственной верой
Я пошёл на ножи!
Я из рая исторгнут.
Только, это побег –
Я с безумным восторгом
Поклоняюсь Тебе...
Обезглавлено тело –
Голова на шесте.
На дорожной постели,

Как на сером кресте...
Разрывая объятья,
Вздогнул сирий состав,
Суетливая братия
Занимает места:
Сумки, дети, матрацы,
Гопотливая брань...
Научили бы, братцы,
Как дожить до утра?
Как допить эту чашу
И пройти этот путь?

Вот билет. Что же дальше? –
Колея. Не свернуть.

-5-

Колёсный стук да дрожь стекла –
Плацкартный рай.
Мои билеты – без числа,
На самый край.
Сижу, вникая в разговор,
В дорожный миф.
А набухающий простор
Соплив, сонлив.
Дождь провожал,
И облака
Встречают здесь.
Как тем, кто ринулся в бега,
Придётся сесть.
Вскипают лужи вдоль дорог –
То дождь, то град. Моё везение старо –
От драк до карт:
Я обыграю всех и вся,
Идя ва-банк...
Но слышно из-под колеса:
«Не зли собак...».
Гремят громами небеса,
Звонят дожди.
Я на окне твоём писал:
«Меня дождись».
Но смазан почерк, кисть слаба,
Дождлива вязь,
Лишь сердце – сердцу, как набат –
Прямая связь.
Но вдруг вторгается в эфир
Картёжный трёп –
Я, как один из простофиль,
Кому не прёт...
Я проигрался в пух и прах,
Напрасен блеф.
Не для тебя пока игра,

Картёжный лев...
Под стук колёс и звон стекла,
В котором дождь,
В окне картина потекла,
Размыта ночь.
И свет вокзальных фонарей –
Скопление брызг.
(У станций, как и у морей –
платформа-пирс)
Вагон качает и трясёт
В ухабах рельс.
Какой чудесный эпизод
Для модных пьес!
Забились в будки навсегда
Цепные псы.
На окнах, мутных, как слюда,
Ответ: «Прости».

-6-
Дозвон`ишься мне оттуда,
Сквозь помехи: «Здравствуй, милый».
Спросишь: «Как твоя простуда?».
Я отвечу: «Ты мне снилась».

Голос, стоящий полмира:
- Я скучаю..
- Очень?
- Очень!
Но – щелчок, провал эфира
И гудки, как многоточье...

Там не жалуется погода,
Там зонты,
Промозглость, лужи..
Мы не виделись полгода,
Может, я тебе не нужен?

-7-
Сегодня, кажется, среда.
Уже четвёртый день пути.
Я проезжаю города,
И в каждом хочется сойти.
Состав по встречному пути
Протарахтит-прошелестит..
Уже двенадцать без пяти.
Я буду около шести.
Осталась ночь. Усталость спать.
Колёса спарено стучат.
Я знаю – невозможно вспять.
Не знаю, будешь ли встречать?

И не свернуть, не опоздать.
И не исчезнуть навсегда.
И подтверждают поезда:
«Да-да, да-да. Да-да, да-да».

-8-

Вот и кончилась дорога.
Чайник встретился с плитой.
Спят ботинки у порога,
Спит на вешалке пальто.
Но уют привычный тяжек,
Тяжек и невыносим:
Шум воды, узор на чашке,
Телевизор голосит...

Просто, кажется, украден
Воздух,
Больше кривизны
В косяке дверном в парадной,
И полы не так грязны,
Потолки заметно ниже,
Окна сузили пейзаж...

На хребте соседней крыши
Мёрзнет ангел -
Чей-то страж.
Время сумеркам сгуститься,
Индевеет голый лес,
И замёрзшей белой птицей
Ангел падает с небес.
(Звякнет хрупкая ледьшка,
Лопнет ёлочным шаром.
Завтра поутру мальчишка
Спрячет в ранец серебро.
Отберёт учитель в школе
Странный ком холодный: «Ртуть?!»)
...Как реакция на голос -
Чашка падает из рук.
Под руками всё, что надо:
Телефон, кровать, часы..
Но иной уже порядок
У вещей. У жизни - смысл.
Раньше - спал.
Теперь проснулся.
Насчитав миллионы шпал,
Я вернулся.
Я вернулся,
Только ангел мой упал.

-9-

Оставить записку: «Дождитесь, я скоро»,
Исчезнуть со сцены в канун Рождества,
Оставить гостей, увлечённых вином и Тагором,
И спором о Ницше, о ветви Христова родства...
Последним такси – на вокзал, разгораясь, как порох,
Вскипая нутром, ощущая, как сладостен миг,
Найти, что похож Млечный Путь

на рассыпанный творог.

Что запах вокзала – прекрасный убор для зимы...
Уткнуться в стекло, за которым букварь направлений,
Цифирь поездов (отправленья, прибытия, др.),
И, веруя в то, что близко избавленье от плена,
Обшарить карманы, надеясь найти на билет
В самый дальний, нетронутый угол Вселенной,
Во мрак чёрных дыр, где не знают Тагора,
не слышали бредней по Фрейдю,
Не тратили время на Ницше на светских беседах...

Пространство меня спеленает, как жгут.
В кармане – дыра. Есть билеты на разные рейсы,
Но в круг замыкаются рельсы.
Вселенная – плен. А дома излишне настойчиво ждут
Зудящие знанием плечи, и вечная фраза:

«А я не согла...»,

Повисшая дымом над полем сраженья –

бутылки, стаканы, салат...

И, сжав кулаки, я обрушу всю ношу души на

плоскость стекла,

На упругую жесть, ненавидя беспомощный пульт,
Весь этот мир, не дающий покоя и цепкий, как спрут
И цепи условностей, правил, корёжащих суть...
...Облизывать с дрожью костяшки своих кулаков –
Всё просто забавно, не больно, не жутко, не страшно,
И так не обидно, что жизнь состоит из оков,
И это так странно, но жаль, что живём лишь однажды,
Что некогда что-то менять,
И нет во Вселенной, увы, уголков для меня...

Напиваясь, мрачней (опять я очухаюсь в ванной),
Сажу за столом, задыхаясь Тагором,
Зубами скрипя от желанья оставить записку:
«Не ждите. Я буду не скоро».

-10-

Ангел спросил у меня: «Далеко ли до неба?».

- Ангел! - Сказал я ему, - Да откуда мне знать?

1998 год

КАМЕННЫЙ АНГЕЛ (1998 год)

ПРЕДИСЛОВИЕ А.Кобицкого

ЗИМНЯЯ ТЕТРАДЬ

Ах, любовь моя...
Чей-то ангел на крыше...
Чутко спится в чужой постели...
Я жесток и негибок...
Был день тяжёл...
Снег идёт – боль крадёт...
Даже если снег лавиной...

ПРОВОДЫ

Напраслина лесты и блеск эпатажа...
Ты тихо, незаметно...
Эта женщина – художник...
Проводы

КАМЕННЫЙ АНГЕЛ

Любовь есть противостоянье...
Город цепко сторожит ночь...
Сказала уходя...
Без поцелуя ночь не та...
Давайте не разменивать любовь...
Твоя тактичность ...
Строки мои – это суть Домино...
Между нами – океан лет...
По волнам плывёт кораблик...
Люблю...
Я скучаю...

ГОРОДА

Мой город вырос, в камень врос...
Я на старом диване...
Дорогая столица...
Ах, Париж, мой Париж...
Зимний вечер в незнакомой тихой Ялте...
В трёхдневный срок...
Я тебя узнаю сразу...
И в день дождливый Страшного суда...

ВЫДОХ

Завтра всё, как вчера...
Зной на улице, пыль на стёклах...
Осенний день яснее, но короче...
Этот малый завидует? Бог с ним...
Ты – мой Каин...
Последствием безумных мужеств...

Стряхни меня, как холодный пепел...
В этой бешеной круговерти...
Приходят друзья – на пороге встречай...
Август
Жара почти невыносима...
То ли шелест тяжёлых знамён...

ПУСТОЦВЕТ

Отлетела душа Ребёнка...
Беззастенчивый гогот...
В мёртвом гетто...
Время, покрытое льдом...
Как у рыбы плавники...
Увы, иззрелая мадам...
С детства, смолоду...
Ах, душа моя кипит...
Осень настала...
Под лопаткой саднит...
Отняли ногу врачи...
В листве последней лип...
Ты особенно был отмечен...
Слетаются к лампе жучки...
...А умираем так, как негерои...
Солнце цвета красной меди...
Кто я? Как мне определиться?

КОНЕЦ ВЕКА (поэмы)

Межсезонье
Колея